

УДК 165

О соотношении моральных и интеллектуальных добродетелей

Каримов Артур Равилевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: anthropology.ksu@mail.ru

Аннотация

Так же как существует моральная этика, существует и интеллектуальная этика, рассматривающая «хорошие» и «плохие» познавательные практики и качества познающего субъекта. Интеллектуальная этика развивается в рамках популярного в современной англо-американской философии направления «эпистемология добродетелей» (virtue epistemology). Вводится новое для отечественной эпистемологии понятие – «эпистемологическая метаэтика». По аналогии с моральной метаэтикой, которая изучает предпосылки морально-этического дискурса, эпистемологическая метаэтика изучает ценностные предпосылки эпистемологического дискурса. В данной статье рассматривается одна из важных проблем эпистемологической метаэтики – соотношение моральных и интеллектуальных добродетелей. Излагается позиция ценностного монизма – учения о внутреннем единстве моральных и интеллектуальных добродетелей, изложенного в трудах русского философа В.С. Соловьева и современного американского философа Л. Загзебски. Проанализированы ключевые аргументы В.С. Соловьева и Л. Загзебски. Обосновывается, что аргументация в пользу ценностного монизма основана на двусмысленности и является несостоятельной. Такое понятие, как «добросовестность», может иметь и чисто интеллектуальный, и чисто моральный аспект. Критикуется идея зависимости моральных добродетелей от интеллектуальных.

Для цитирования в научных исследованиях

Каримов А.Р. О соотношении моральных и интеллектуальных добродетелей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 21-28.

Ключевые слова

Эпистемологическая метаэтика, метаэтика, интеллектуальная этика, добродетели, интеллектуальные добродетели, моральные добродетели, эпистемология добродетелей.

Введение

В отечественной философской литературе понятие эпистемологической метаэтики недостаточно разработано. По определению Г. Сейр-МакКорда, метаэтика есть попытка понимания метафизических, эпистемологических, семантических и психологических предпосылок морального дискурса [Sayre-McCord, 2014, www]. К вопросам метаэтики можно отнести такие вопросы, как: 1) существуют ли моральные истины? 2) существуют ли моральные факты так же, как существуют физические факты? 3) являются ли стандарты морали относительными? и т. п. Мы предлагаем, что по аналогии с моральной метаэтикой можно говорить об эпистемологической, или интеллектуальной, метаэтике. По аналогии с моральной метаэтикой эпистемологическую метаэтику можно определить как попытку понимания предпосылок интеллектуальной этики. Определим интеллектуальную этику как учение об интеллектуальных ценностях. Если моральная этика определяет, что является «хорошим» и «плохим» для *поступков*, то интеллектуальная этика определяет, что является «хорошим» и «плохим» в *познании*.

Понятие интеллектуальной этики в дискурс современной эпистемологии ввел американский философ Эрнест Соса. Согласно Соса, «будет правильным различать в эпистемологии две составляющих: а) теорию знания и б) интеллектуальный этос. Последний касается оценки и норм, касающихся интеллектуальных вопросов, в целом, учитывая полный спектр *интеллектуальных ценностей*. Поэтому она [эпистемология] гораздо более обширная дисциплина, чем просто теория знания, нацеленная на изучение природы, условий и границ человеческого знания» (*курсив наш – А.К.*) [Sosa, 2007, 786-787].

Примером интеллектуальной этики являются известные четыре правила метода Р. Декарта. Так же как и моральные правила («не убий», «не укради»), правила Декарта формулируются как нормативы: не принимай на веру ничего, что не является ясным и очевидным; разлагай сложные вопросы на простые и т. д. То, что мы здесь имеем в виду под «интеллектуальной этикой», не равнозначно уже устоявшемуся понятию «этика науки». Последняя занимается вопросами того, насколько те или иные исследовательские практики являются «хорошими» или «плохими» с моральной точки зрения. Например, допустимо ли проводить опыты на человеке или животных? Следует ли разрешить клонирование человека? Все эти вопросы являются вопросами моральной этики (ее прикладных разделов), а не вопросами эпистемологии. Вопросы интеллектуальной этики принадлежат к сфере эпистемологии, точнее расширяют ее сферу за счет введения понятия интеллектуальных ценностей. Интеллектуальная этика занимается вопросами того, насколько «хорошими» или «плохими» являются те или иные познавательные практики с точки зрения того, способствуют ли они достижению когнитивных благ – истины, знания, понимания и т. п.

Интерес к данной проблематике обусловлен бурным развитием в современной англо-американской философии такого направления, как «эпистемология добродетелей» (*virtue epistemology*). К основным представителям эпистемологии добродетелей можно отнести прежде всего Л. Загзебски [Zagzebski, 1996], Дж. Греко [Greco, 2002], Э. Соса [Sosa, 2007], Д. Притчарда [Pritchard, 2010], Дж. Байера [Baehr, 2011] и др. В отечественной философии об эпистемологии добродетелей писали Э. Свидерски [Свидерски, 2000], А.А. Шевченко [Шевченко, 2016], К.В. Карпов [Карпов, 2017], И.Г. Гаспаров [Гаспаров, 2017] и др. В фокусе эпистемологии добродетелей – наши интеллектуальные совершенства, или интеллектуальные добродетели (*intellectual virtues*).

Какие вопросы могут относиться к компетенции эпистемологической метаэтики? Первая группа вопросов – это вопросы о когнитивном благе. Что значит быть когнитивным благом? Какое когнитивное благо является наивысшим? Кандидатами здесь могут быть: истина, знание, понимание, мудрость и т. д. И вообще, существует ли центральное когнитивное благо или есть плюрализм когнитивных благ? Обладает ли когнитивное благо ценностью само по себе или только инструментальной ценностью? Например, может ли знание обладать ценностью само по себе или только практической ценностью для жизни человека?

Другая группа вопросов касается того, какие познавательные качества субъекта или познавательные практики являются превосходными для того, чтобы достичь данных когнитивных благ, и почему. Почему одни когнитивные практики лучше, чем другие? Например, почему индукция и дедукция «лучше», чем гадание на кофейной гуще? Почему нерациональное упорство в своей точке зрения является «плохим» с познавательной точки зрения? Что есть интеллектуальная добродетель? Что есть интеллектуальный порок?

Третья группа вопросов касается соотношения моральной и интеллектуальной этики. Как соотносятся интеллектуальные и моральные ценности? Являются ли интеллектуальные ценности подвидом моральных ценностей или они имеют независимый статус? Нужно ли быть морально добродетельным, чтобы быть интеллектуально добродетельным? Является ли путь к Истине и путь к Добру единым или это разные (но пересекающиеся) пути?

Данная статья посвящена рассмотрению последней группы вопросов. Целью статьи является анализ проблемы соотношения моральных и интеллектуальных добродетелей на примере концепций В.С. Соловьева и Л. Загзески. Вначале мы рассмотрим позицию В.С. Соловьева и Л. Загзески по данному вопросу. Далее мы выскажем ряд критических замечаний в адрес В.С. Соловьева и Л. Загзески. В статье использованы методы концептуального анализа, метод аналогии, метод интерпретации, компаративный метод.

Проблема соотношения моральных и интеллектуальных добродетелей. Ценностный монизм В.С. Соловьева и Л. Загзески

Как отмечает Э. Свидерски, В.С. Соловьев может рассматриваться как родоначальник эпистемологии добродетели в ее современном варианте [Свидерски, 2000, www]. Соловьев не использует термин «интеллектуальные добродетели», но, например, говорит о «доброкачественности» и «недоброкачественности» мышления, о «качествах умственного характера» и в целом использует этицированную терминологию в отношении познавательного процесса [Соловьев, 2013, 99]. На интересующую нас тему Соловьев изложил свои взгляды в работе «Теоретическая философия», точнее в самом первом ее разделе. В этой работе Соловьев в целом отстаивает идею о том, что истина и благо суть одно, и, соответственно, путь к истине и путь к благу один и тот же: «Мы, во-первых, хотим, в силу нашей нравственной природы, жить сообразно истинному добру и для этого знать его подлинную сущность и настоящие требования. Но наряду с этим мы хотим просто знать, знать истину ради нее самой. И эта наша вторая воля, безусловно, одобряется нашей совестью, которая таким образом заранее утверждает коренное единство между добром и истиной, – очевидно необходимое, так как без этого единства свое понятие истинного добра, которым держится вся нравственность, не имело бы смысла. Если добро как такое непременно должно быть истинным, то ясно, что истина по существу не может быть чем-то противоречащим и чуждым добру» [Соловьев, 1913, 90-91].

Перечисляя качества хорошего исследователя истины по Бэкону, такие как: желание исследования, терпеливость в сомнениях, способность наслаждаться размышлением,

медлительность в утверждении, легкость в отречении от заблуждений, заботливость о правильном расположении мыслей и знаний, Соловьев говорит, что «указанные здесь качества умственного характера, делающие их обладателя особенно способным к теоретической деятельности, суть по большей части *хорошие нравственные свойства*» (курсив наш – А.К.) [там же, 91]. И далее: «Главное из них – ненависть ко всякому обману – есть то же, что любовь к правде, и входит в самое существо доброй воли. Все пространное описание Бэкона может быть сокращено в одно определение: наибольшая добросовестность в деле мышления и познания, – а это, несомненно, есть определение *нравственное*. Значит, то, что сближает и роднит нас с истиной, есть то же самое, что сближает и роднит нас с добром» (курсив наш – А.К.) [там же, 91-92].

Добродетелью, объединяющей все морально и интеллектуально хорошие качества, по Соловьеву, является добросовестность. С одной стороны, это понятие этическое, с другой стороны, добросовестность является императивом для всякого познания: «Идея добра формально требует от всякого деятеля, чтобы он добросовестно относился к предмету своей деятельности. Это требование не терпит никаких исключений. В силу его мыслитель-теоретик прежде всего обязан к добросовестному исследованию истины» [там же, 92].

Отсюда Соловьев заключает, что если мы вводим нравственный элемент в теоретическую философию (т.е. в эпистемологию), то мы тем самым подчиняем ее этике. По этому поводу он пишет: «Настоящее философское мышление должно быть добросовестным исканием достоверной истины до конца. Но, требуя от мышления добросовестности, не вводим ли мы нравственный элемент в теоретическую философию, не подчиняем ли ее этике? Но разве теоретическая философия обязалась заранее ни в коем случае, ни в каком смысле и ни с какой стороны не допускать в себя нравственного элемента? Такое обязательство было бы, напротив, предубеждением, противным существу теоретической философии. Поскольку нравственный элемент требуется самими условиями мышления, он не только может, но должен быть положен в основу теоретической философии» [там же].

В современной эпистемологии сходную позицию занимает американский философ Линда Загзебски. В своей книге «Добродетели ума» она пишет следующее: «Очевидно, что есть некоторая разница между такими состояниями, как мышление, сомнение, понимание, суждение, утверждение, отрицание или дедуктивное выведение, с одной стороны, и надеждой, страхом, желание, любовью, симпатией, гневом, радостью или печалью, с другой... Однако можно усомниться, насколько глубока и важна эта разница» [Zagzebski, 1996, 141]. Загзебски отмечает, что и интеллектуальные, и моральные добродетели включают в себя аспект понимания и определенные чувства. И те, и другие приобретаются путем подражания. И те, и другие являются проявлением воли. Кроме того, существует глубокая связь между ними. Например, для честного человека не просто характерно всегда говорить истину. Он еще и стремится быть осторожным в своих суждениях по поводу того, что есть истина. Говоря о честном человеке, Загзебски пишет: «Он уважает истину, делает все от него возможное, чтобы найти ее, сохранить ее и сообщить ее таким способом, который позволит слушателю обоснованно и с пониманием поверить в истину. Но это, в свою очередь, требует, чтобы он обладал интеллектуальными добродетелями, которые дают ему высокую степень обоснованности и понимания. Он должен быть внимательным, заботиться о том, чтобы тщательно взвесить все доводы, быть интеллектуально и перцептивно зорким (*acute*), особенно в важных делах, и т. д. для всех интеллектуальных добродетелей. Моральная добродетель честности, таким образом, логически влечет интеллектуальные добродетели» [там же, 158].

Таким образом, она приходит к тому же самому выводу, что и Соловьев: интеллектуальные

и моральные добродетели суть одно взаимосвязанное целое.

Назовем такую позицию ценностным монизмом в эпистемологической метаэтике. Оправдан ли этот ценностный монизм?

Критика ценностного монизма в эпистемологической метаэтике

Прежде чем приступить к критике ценностного монизма, отметим одно обстоятельство. Действительно, эпистемология добродетелей строится по аналогии с этикой добродетелей. Так же как в этике добродетелей акцент смещается с оценки поступков субъекта на самого субъекта и его моральные качества, или моральные добродетели, так и в эпистемологии добродетелей акцент смещается с эпистемической оценки качества пропозиций (суждений, убеждений) на самого субъекта и его интеллектуальные качества, или интеллектуальные добродетели. Вопрос заключается в том, является ли понятие морально добродетельного субъекта эквивалентным понятию интеллектуально добродетельного субъекта? Говоря языком логики, являются ли эти понятия тождественными по объему? Если эти понятия эквивалентны, то если дано, что данный субъект S – морально добродетельный, то отсюда автоматически следует, что S – интеллектуально добродетельный, и наоборот.

Разберем критически аргументы Соловьева и Загзебски. Аргумент Соловьева может быть реконструирован в виде двух посылок и заключения.

- 1) Условием успешного познания является добросовестность.
- 2) Добросовестность есть моральное понятие.
- 3) Следовательно, моральное понятие является условием успешности познания.

Аргумент Загзебски направлен на утверждение обратной зависимости.

- 1) Честность есть моральная добродетель.
- 2) Условием честности является стремление к истине.
- 3) Достижение истины требует обладания интеллектуальными добродетелями.
- 4) Следовательно, условием моральной добродетели является обладание интеллектуальными добродетелями.

Конъюнкция этих двух выводов дает нам определение ценностного монизма в метаэтике. На наш взгляд, оба этих аргумента являются несостоятельными.

Начнем с аргумента В.С. Соловьева. Первая посылка здесь не вызывает нареканий. Действительно, можно согласиться с тем, что добросовестность есть необходимое качество для успешного познания. Однако сомнение вызывает вторая посылка. Почему добросовестность является только моральным понятием? «Добросовестность» буквально есть «добрая совесть». Но мы вполне можем говорить о понятии интеллектуальной совести по аналогии с моральной совестью. Почему добросовестность в познании обязательно должна сопровождаться добросовестностью в поступках?

На наш взгляд, мы здесь имеем дело скорее с понятием, которое имеет два разных аспекта – и моральный, и интеллектуальный. Примером такого понятия является «мужество». Можно говорить об интеллектуальном мужестве точно так же, как мы говорим о моральном мужестве. Если моральное мужество предполагает преодоление страха для совершения морально «правильного» поступка, то интеллектуальное мужество предполагает преодоление страха перед совершением «правильного» познавательного акта. Примером интеллектуального мужества является Н. Лобачевский, который не побоялся опубликовать свою теорию неевклидовой геометрии, несмотря на возможную отрицательную реакцию научного сообщества (которая вскоре последовала). Представляется, что эти качества могут быть независимыми друг от друга.

Можно вообразить себе морально мужественного человека, который готов пожертвовать жизнью ради какого-то морального поступка, который при этом является догматичным и вовсе не готов жертвовать какими-то своими ложными убеждениями ради истины. То же самое относится к понятию «добросовестность». Можно говорить о моральной добросовестности и об интеллектуальной добросовестности. Можно представить себе морально добросовестного человека, который выполняет все свои обязательства, но при этом в познании он делает поспешные выводы, и наоборот. В данном случае в аргументе Соловьева присутствует ошибка двусмысленности и учетверения терминов. Многозначные термины, такие как «добросовестность» или «мужество», не должны трактоваться только в одном из своих значений. В аргументе Соловьева в первой посылке понятие «добросовестность» трактуется в общем значении, а во второй посылке – только в моральном.

Рассмотрим теперь аргумент Л. Загзебски. Здесь также возражение вызывает вторая посылка, а именно, что условием честности является стремление к истине. Как это следует трактовать? Ведь далеко не все честные люди являются учеными и философами, посвящая себя познанию Истины. Есть много честных людей, которые не стремятся к познанию (в узком смысле). Также очевидно, что не все ученые и философы являются честными. Предположим, что некий ученый в результате интеллектуально добросовестного исследования пришел к выводу, что его ранняя теория оказалась ложной. Вполне можно себе представить, что этот ученый захочет скрыть результаты данного исследования, чтобы не навредить своей репутации. На наш взгляд, Загзебски берет здесь выражение «стремиться к познанию истины» в широком смысле, в каком об этом говорит Аристотель в начале «Метафизики». В самом широком смысле мы все стремимся к истине. Но качествами, необходимыми для ее достижения, обладают отнюдь не многие. А множество тех, кто ими обладает, не эквивалентно множеству всех честных людей. Легко можно себе представить честного простеца или наоборот – выдающийся ум, который является при этом хитрым и коварным. Таким образом, как представляется, в данном случае мы также имеем дело с двусмысленностью и учетверением терминов.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели одну из важных проблем эпистемологической метаэтики – проблему соотношения моральных и интеллектуальных добродетелей. Русский философ XIX в. В.С. Соловьев и современный американский философ Л. Загзебски обосновывают ценностный монизм. Ценностный монизм в эпистемологической метаэтике состоит в том, что Истина и Добро суть едины, как едины превосходные моральные и интеллектуальные качества, или добродетели. Мы показали, что аргументы Соловьева и Загзебски содержат в себе двусмысленность и не могут быть признаны состоятельными. Существуют термины, которые имеют этическое происхождение, но приобретают собственный смысл в теории познания. К таким выражениям относится, например, словосочетание «обман чувств». Хотя термин «обман» имеет этическое происхождение, в данном случае он используется в специфическом эпистемологическом смысле. Чувства не могут «обманывать» в том же самом смысле, как люди могут обманывать нас.

Можно предположить, что на позицию ценностного монизма повлияли религиозные взгляды авторов, в частности некоторая приверженность обоих к католицизму. Однако необходимо отметить, что еще Фома Аквинский вслед за Аристотелем совершенно недвусмысленно разграничивал интеллектуальные и моральные добродетели. Отвечая на возражение, что всякая добродетель является нравственной, св. Фома прямо говорит: «Этому

противоречат следующие слова Философа: “Рассуждая о человеческой нравственности, мы не говорим, что человек мудр или сообразителен, но говорим, что он ровен или благоразумен”. Таким образом, мудрость и сообразительность, не являясь нравственными добродетелями, тем не менее, как уже было сказано (57, 2), являются добродетелями. Следовательно, не всякая добродетель является нравственной» [Еремеев, 2008, 108]. В связи с этим ссылка на католицизм здесь представляется несостоятельной.

Библиография

1. Гаспаров И.Г. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 108-122. DOI: 10.5840/eps201753351
2. Еремеев С.И. (ред.). Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 49-89. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2008.
3. Карпов К.В. Эпистемология религиозной веры как дисциплинообразующая часть философии религии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. DOI: 10.5840/eps201753343
4. Свидерски Э. «Эпистемология добродетели» Владимира Соловьева // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 164-179. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/636>
5. Соловьев В.С. Теоретическая философия // Собрание сочинений В.С. Соловьева. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1913. Т. 9. 444 с.
6. Шевченко А.А. Эпистемология и добродетели // Сибирский философский журнал. 2016. № 4. С. 82-92.
7. Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology* Kindle Edition, 2011.
8. Greco J. *Virtues in Epistemology* // Paul Moser (ed.). *Oxford Handbook of Epistemology*. New York: Oxford University Press, 2002. Pp. 287-315.
9. Pritchard D. *The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations*. New York: Oxford University Press, 2010. 274 p.
10. Sayre-McCord G. *Metaethics* // Zalta N. Edward (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2014 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/metaethics/>.
11. Sosa E. *Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*. Volume I. Oxford University Press, 2007. Kindle Edition.
12. Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge University Press. Kindle Edition, 1996. 384 p.

On the relation between moral and intellectual virtues

Artur R. Karimov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35 Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: anthropology.ksu@mail.ru

Abstract

Just as there is moral ethics, there is also intellectual ethics, which considers “good” and “bad” knowledge practice and qualities of a knowing agent. Intellectual ethics is developing within the limits of “virtue epistemology” which is a popular movement in modern Anglo-American philosophy. The author of the article has introduced a new notion for Russian epistemology – “epistemological metaethics”. By analogy with moral metaethics, which studies the presuppositions

of moral discourse, epistemological metaethics studies the value presuppositions of the epistemological discourse. The current article considers one of the main problems of epistemological metaethics – the problem of relation between moral and intellectual virtues. The position of value monism is presented. It is the view that moral and intellectual virtues are internally united. This view was supported by Russian philosopher V. Solovjev and modern American philosopher L. Zagzebski. The key arguments of Solovjev and Zagzebski are analyzed. It is maintained that the argumentation in favor of value monism is based on equivocation and is invalid. Such notions as “conscientiousness” can have a purely intellectual and purely moral aspect. The idea of dependence of moral virtues on intellectual virtues is criticized.

For citation

Karimov A.R. (2018) O sootnoshenii moral'nykh i intellektual'nykh dobrodeteli [On the relation between moral and intellectual virtues]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1A), pp. 21-28.

Keywords

Epistemological metaethics, metaethics, intellectual ethics, virtues, intellectual virtues, moral virtues, virtue epistemology.

References

1. Baehr J. (2011) *The inquiring mind: On intellectual virtues and virtue epistemology*. Kindle Edition.
2. Gasparov I.G. (2017) Epistemicheskii avtoritet i avtonomiya epistemicheskogo sub"ekta [Epistemic authority and autonomy of the epistemic subject]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 53 (3), pp. 108-122. DOI: 10.5840/eps201753351
3. Greco J. (2002) Virtues in epistemology. In: Paul Moser (ed.). *Oxford Handbook of Epistemology*. New York: Oxford University Press, pp. 287-315.
4. Eremeev S.I. (ed.) (2008) *Foma Akvinskii. Summa teologii. Chast' II-I. Voprosy 49-89* [Thomas Aquinas. The sum of theology. Part II-I. Questions 49-89]. Kiev: El'ga, Nika-Tsentr, El'kor-MK, Ekslibris Publ.
5. Karpov K.V. (2017) Epistemologiya religioznoi very kak distsiplinoobrazuyushchaya chast' filosofii religii [Epistemology of religious faith as a discipline-forming part of the philosophy of religion]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science], 53 (3). DOI: 10.5840/eps201753343
6. Pritchard D. (2010) *The nature and value of knowledge: Three investigations*. New York: Oxford University Press.
7. Sayre-McCord G. Metaethics (2014) In: Zalta N. Edward (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2014 Edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2014/entries/metaethics/> [Accessed 15/11/17].
8. Shevchenko A.A. (2016) Epistemologiya i dobrodeteli [Epistemology and Virtues]. *Sibirskii filosofskii zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 4, pp. 82-92.
9. Solov'ev V.S. (1913) *Teoreticheskaya filosofiya* [Theoretical philosophy]. *Sobranie sochinenii V.S. Solov'eva* [Collected works of V.S. Solovyov]. Saint Petersburg: Prosveshchenie Publ., Vol. 9.
10. Sosa E. (2007) *Virtue epistemology: Apt belief and reflective knowledge*. Vol. I. Oxford University Press. Kindle Edition.
11. Sviderski E. (2000) “Epistemologiya dobrodeteli” Vladimira Solov'eva [“Epistemology of Virtue” by Vladimir Solovyov]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1-2, pp. 164-179. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/636> [Accessed 13/11/17].
12. Zagzebski L. (1996) *Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge University Press. Kindle Edition.